

Завоевание муз,

или Как живописец Дмитрий Крымов стал театральным режиссером

Сергей Шаповал

В Театре имени Станиславского состоялась премьера спектакля «Гамлет» с Валерием Гаркалиным в главной роли. Постановщиком выступил известный художник **Дмитрий Крымов** – сын режиссера **Анатолия Эфроса** и театрального критика **Натальи Крымовой**.

– Дмитрий, начну с не совсем деликатного вопроса: почему у вас материнская фамилия? Это чей выбор?

– Когда я родился, мой дедушка по отцовской линии, наученный горьким опытом и страхами, попросил маму, чтобы мне дали ее фамилию. Милый, бедный дедушка!

– Оба ваши родителя являются интересными самостоятельными личностями. Чье влияние было для вас определяющим?

– Сложный вопрос, мне никогда его не задавали. Влияние папы не переводилось в слова, мы никогда не разговаривали с ним на идеологические темы, никаких основ чего-либо он мне не вбивал. Я очень любил и уважал папу, мне хотелось быть таким же – не по поведению, а по сути. Это я понимаю сейчас, а тогда я воспринимал все как данность. Мне никогда за него не было стыдно, а я наблюдал его в разных жизненных ситуациях. Его влияние на меня можно сравнить с облаком, которое прошло через меня, оставив важный след. Мама научила меня спокойствию. При всех неприятностях и жизненных пертурбациях она пекла какой-нибудь маковый пирожок и вечером собирала всех за чаем. Было ощущение бастиона.

– У вас не было с родителями поколенческих разногласий?

– Абсолютно никаких. Мы любили одних и тех же писателей, одних и тех же художников. Мне даже в голову не приходило, что мы люди разных поко-

независимая - 2002 - 6 дек - с 13, 15

Для режиссера главное – это убедительность.

лений. Как я сейчас понимаю, то, что происходило со мной, было уникально. В какие-то годы я, наверное, выглядел инфантильным – любое явление имеет отрицательные стороны. Спустя время я увидел, что у нас огромное количество незрелых людей, особенно мужчин. Вовсе не факт, что это следствие хороших отношений с родителями.

– Как вы воспринимали эпизод с приходом отца в Театр на Таганке?

– Эта тема очень деликатная. Папа был художником. Не все понимают, что это такое. Однажды он сказал: «Если я перестану репетировать, я умру». Последний спектакль, который он выпускал в Театре на Малой Бронной, играли актеры, бывшие его ученики, совращенные директором и превращенные во врагов. А актеров нужно любить, иначе ничего не получится, так вот папа в часы репетиций их любил, прекрасно зная, что они его предадут. В результате он поставил великолепный спектакль «Директор театра». На Таганку он пошел как к друзьям, которые лишились своего учителя. Он полагал, что у них будто горло перехватило, и необходимо, думал он, создать нечто, что помогло бы восстановить дыхание. Он придумал спектакль «На дне», чтобы занять всех актеров. Людям, не понимающим этой психологии, легче представить все как желание пойти на повышение. Если бы папе предложили репетировать в каком-нибудь подвале, он бы с удовольствием это делал. В его назначении на Таганку был элемент провокации со стороны властей, может быть, папа это понимал, но он был наивным человеком. Он считал, что главное – ходить на репетиции.

– Но ведь в театре сразу же началась возня.

– Она есть везде. Никто не знает, что до этого происходило в Театре на Малой Бронной. То, что было на Таганке, он по контрасту считал домом отдыха.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Завоевание муз

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

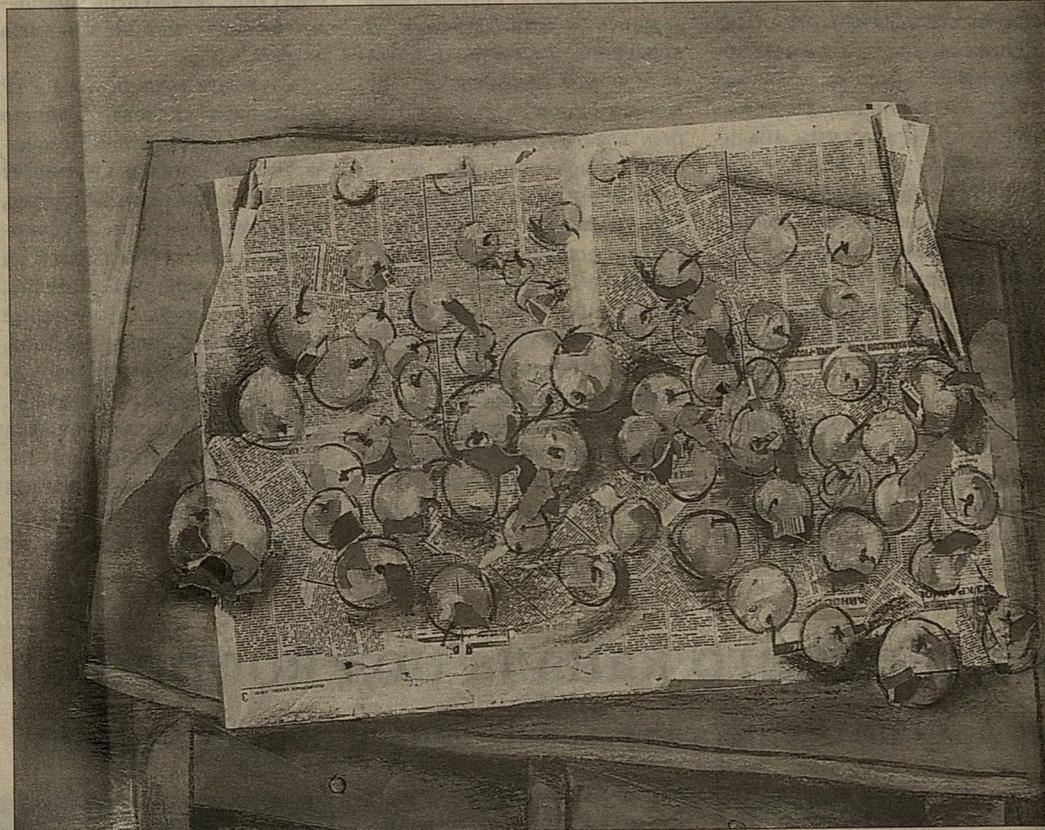
Об этом не говорят, потому что невыгодно – слишком «усложняет» популяризаторскую схему неблаговидного поступка. Его предали ученики, которым он отдал двадцать лет, и это был настоящий ад. Когда он пришел на Таганку, пятеро актеров ушли, кто-то в его двери всовывал булавки, кто-то проколол шины в машине – это был детский лепет в сравнении с тем, что ему пришлось пережить на Малой Бронной. Многие на Таганке решили, что театр должен красиво умереть. Это противоречило папиной психологии – спасение в работе, а не в смерти, пусть даже эффектной.

– Влияла ли ваша мать на отца как на режиссера?

– Человеку такого склада, как папа, было невероятно важно иметь защищенную спину. Речь не просто о хорошей жене, а о человеке, с которым можно обсудить свою работу. Мама была первым советчиком, хотя он не хотел, чтобы она ходила на его репетиции. Хорошая жена большого художника – это, условно говоря, высокая должность, а хорошая жена, возведенная в ранг первого советника, – это высший уровень.

– О вашем прыжке в режиссуру. Что вас подвигло к этому?

– Честно сказать, не знаю. На протяжении всей жизни у меня не было даже мысли, что я хочу или могу быть режиссером. Работая в Театре на Малой Бронной, я редко ходил на папины репетиции. У меня не было желания поставить спектакль, меня вдруг пронзило, что в «Гамлете» что-то можно сделать, чего не делали раньше.

Яблоки на одноименной картине Дмитрия Крымова лежат, если присмотреться, на «Независимой газете».

Независимая - 2002 - 6 ден - с. 13, 15
– Это прозрение связано с новым переводом Андрея Чернова?

– Именно с ним.

– А почему вас не устроили переводы Лозинского и Пастернака?

– Брать эти переводы и экспериментировать – очень большая ответственность. Впору почувствовать себя мошкой, взявшей на себя труд по обеганию туши слона. А тут приятель сделал перевод, который мне понравился. Началась некая игра друзей: один перевел, другой придумал неплохую сцену, третьему это понравилось, они ре-

шили еще поговорить об этом. Я очень люблю встретиться и потрепаться на художественные темы, что, к сожалению, в последнее время как жанр исчезает. Валера Гаркалин приходил ко мне в мастерскую, мы разговаривали о «Гамлете». Что происходит, он понял раньше, чем я. При его дикой занятости приходило и болтать о Шекспире было бы странно. А потом раздался звонок из театра с предложением сделать спектакль. Я был крайне удивлен, но стал думать об этом. Для меня это было странно, потому что пятнадцать лет я одиноко

работал в мастерской, по миру разлетались картины, сделанные исключительно по моей инициативе. А тут вдруг заказ. Я пришел в театр и договорился о двухмесячной работе, после которой мы примем окончательное решение. Мы стали репетировать, а потом появился спектакль.

– Что отличает вашу постановку от всех предшествующих?

– Как я надеюсь, простота. Дело зашло так далеко, что если по поводу пьесы задать простые вопросы, я уверен, никто на них не ответит. Например: любит

С родителями Натальей Крымовой и Анатолием Эфросом. 1970 г.

Фото из личного архива

ли Гамлет Офелию? Почему он так долго тянет с поступками? В сценическом действии, как в болоте, должны быть кочки, по которым ты прыгаешь, – где они здесь? И так далее. Но даже если ты все четко осмыслишь, ясно сделаешь, не факт, что это будет понято. У людей в головах такой слоеный пирог, что не каждый захочет эти слои нарушать. Вы меня спрашивали про семью и детство, вот я и хотел сделать спектакль о семье.

– Новый перевод ближе к подлиннику, чем те, которые стали классическими?

– Автор утверждает, что да. Меня, честно сказать, это не

очень интересует. Перевод является способом выражения моих мыслей и переживаний. Я хотел рассказать человеческую историю, разворачивающуюся в Эльсиноре, как в большой коммунальной квартире со всеми ее дрызгами. Призрака обычно изображают то в лагах, то на коне, всегда в каком-то тумане. У меня просто отец приходит к сыну, который по нему тоскует, и сообщает страшную вещь. Исходной точкой было желание рассказать эту историю абсолютно человеческим языком. Добиться этого крайне трудно. В театре результат всегда

очень отличается от замысла. Папа говорил: «В процессе работы над спектаклем все участвующие разрушают твой замысел, поэтому он должен быть настолько сильным, чтобы конечный результат был похож на первоначальный замысел».

– Как эта работа сказалась на вашей живописи?

– Плохо: я полтора года ничего не писал. Живопись – очень ревнивая муза, я боюсь, что она восприняла мой поступок как обман.

– В таком случае вы совершили очень серьезный поступок?

– С возрастом я все больше становлюсь эгоистом. Последний год был у меня именно таким, я знал куда идти и что делать. Сила привычки чудовищна: человек привыкает к своему занятию. Привычка в художественной жизни ужасна, все время нужна первая ночь – а откуда ее взять? Я чувствую себя Дон Жуаном, я сменил много профессий: был театральным художником, графиком, иллюстратором, потом – живописец. Это все прекрасные музы. Я добивался их! Сейчас я со страхом прислушиваюсь к себе. Я опять хочу просыпаться в хорошем настроении... ■